

Материя Вансон:

*«Усадьба
моего деда
принадлежит
России»*

Дедушка и бабушка Татьяны Ватсон с дочерьми Натальей и Ириной.
Справа — гувернантка семьи

Татьянин дед — Владимир Брянчанинов

«Вот это — мои дедушка и бабушка, это — моя мама и ее сестра тетя Наташа, это — их гувернантка...» — комментирует Татьяна Ватсон потемневшую от времени фотографию, оттеняя свой великолепный русский вкусным грассированием... Семейный портрет Брянчаниновых — один из ключевых экспонатов восстановленной после многолетней разрухи усадьбы Брянчаниновых в Покровском. Татьяна Александровна Ватсон — прямая наследница старинного дворянского рода, разметанного революцией по всему миру... Как сложилась ее судьба? Об этом — наш эксклюзивный материал на страницах «Рандеву».

Татьяна Ватсон живет в австралийском городе Перте, но каждое лето старается приехать на Вологодчину, чтобы по-настоящему помочь в реставрации и уходе за старинным помещением предков. А в конце сентября снова возвращается домой, в Австралию, где только-только начинается лето...

Вот так, в путешествиях из лета в лето, и проходят последние 16 лет ее жизни с тех пор как затерянная в воспоминаниях родовая усадьба счастливо «нашлась» на карте далекой и непостижимой для иностранцев России...

— Татьяна Александровна, «кто кого нашел»: вы сами искали усадьбу, или историки вышли на вас? Как состоялась «встреча» с родовым именем?

— Слушая в детстве рассказы бабушки и дедушки, редкие мамины воспоминания, я не очень придавала им значение: у юности совершенно другие интересы, вы же понимаете, — улыбается Татьяна Александровна. — Но когда после смерти мамы в 1993 году я стала перечитывать книжку Георгия Лукомского «Вологда в ее старине» (у мамы было это издание 1914 года) с очерком о нашей усадьбе, я вдруг загорелась узнать, осталось ли от нее хоть что-нибудь. А дальше началось то, что я называю Судьбой: это когда не ты, а какие-то высшие силы выводят тебя на какие-то совершенно иные дороги. У меня был знакомый русский капитан дальнего плавания, и я попросила его хоть что-то разузнать о судьбе поместья. И он выполнил мою просьбу: оказалось, усадьба жива, и в ней теперь находится туберкулезный санаторий. Тот же капитан помог мне оформить визу в Россию и достать билеты до Вологды. И вот я в Вологде, сошла с поезда, оставила

Мама Ира и ее сестра Наташа в детстве

вещи в гостинице, а куда идти и что делать дальше — не знаю... Ведь здесь — ни одного знакомого человека, к кому я тут приду и скажу: «Здравствуйте, я — наследница Брянчаниновых»? И тогда мне на пути попалась церковь Покрова на Торгу. Я зашла туда, и меня осенило: наверное, через епархию можно найти какие-то концы... Обратилась к одной из прихожанок, она отвела меня к архиепископу Максимилиану, а тот с большим участием отнесся к моей истории и много помог в дальнейшем. Он познакомил меня с Александром Тарасовым, бывшим главным врачом туберкулезного санатория, который много хлопотал о сохранении усадьбы: санаторий расформировали, и дальнейшая судьба этого здания была неизвестна — в 1994 году властям в России было не до того... Здание было в удручающем состоянии, от домовой церкви осталось лишь основание... Но, видимо, мы вовремя спохватились: при поддержке правительства Вологодской области, департамента культуры и Вологодской епархии усадьбу удалось отреставрировать и в нынешнем году наконец-то открыть ее для посещений. Это славно, что сейчас на Вологодчине много делается по возрождению утраченного наследия: вот недавно я побывала в замечательно отреставрированном доме на Соборной горке — теперь там будет размещаться Музей кружева, а раньше он принадлежал другой ветви Брянчаниновых... Впечатлена великолепием бывшего губернаторского дома у Красного моста, где во времена СССР была милиция — теперь здесь приемная Президента России. Все потихоньку встает на свои места.

— А как складывалась судьба ваших близких после революции? Что вы помните из воспоминаний родных?

— Моя мама Ирина Владимировна, дочь последнего владельца усадьбы Владимира Брянчанинова, не очень любила вспоминать то время: для нее, 12-летней девочки, весь этот катастрофический «исход» стал огромным стрессом. Им приходилось прятаться, все время быть под страхом того, что они каждый день могут быть «вычислены» и расстреляны большевиками... Деда Володю зимой 1918 года сами крестьяне усадьбы предупредили о том, что со дня на день сюда придут большевики: «Надо уходить, барин, а то никто вас не спасет...» Бабушка Софья с дочками Наташей и Ирой (моей мамой) тогда были в Москве, поэтому искать спасения им пришлось по отдельности: дед с отступавшей Деникинской армией в 20-е годы оказался в Константинополе, а бабушка с дочками правдами-неправдами сквозь страну, раздиравшуюся гражданской войной, добралась до Моравской Тшебовы в Чехии... Лишь спустя годы им удалось воссоединиться: последние их годы прошли в Париже, куда мы с мамой к ним

частенько приезжали. Мама же до конца жизни изживала навязанный ей коммунистами «комплекс аристократки»: считалось, что дворяне ни к чему не приспособлены и ничего не умеют делать. Поэтому, даже приехав в Австралию, где она могла спокойно работать преподавателем иностранных языков, которыми владела в совершенстве, она устроилась работать в химчистку: «Хочу всем доказать, что я тоже умею работать».

— Как вы оказались в Австралии? И откуда так хорошо знаете русский язык?

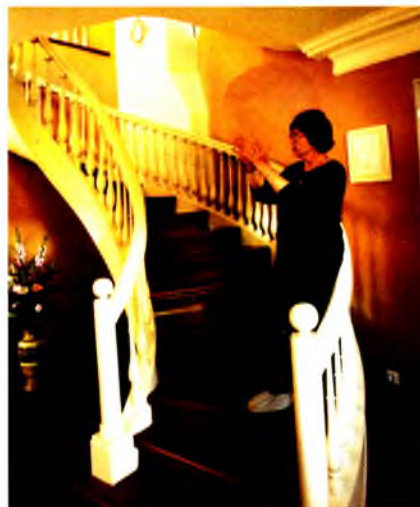
— Мама в Праге вышла замуж за моего отца, там в 1934 году я и родилась, там же пошла в школу. Но когда в 1948 году в Чехословакию пришел коммунизм, родители эмигрировали сначала в Австрию, а потом по специальной программе помощи эмигрантам — в Австралию. Когда моих родителей спрашивали, зачем они забрались на край света, они отвечали: «Ну, если коммунизм доберется до Австралии, то дальше и бежать будет некуда»... Так я за какие-то один-два года поменяла несколько школ: чешскую, немецкую и, наконец, английскую в Австралии... А русский язык я знаю от бабушки, которая, когда я к ней приезжала, говорила со мной только по-русски.

— Вам было 15 лет, когда ваша семья обосновалась в Австралии. О чем вы мечтали, кем хотели стать?

— О! Мечты — мечтами, а судьба распоряжается нами по-своему. Я с детства мечтала стать врачом, но жизнь в первые австралийские годы складывалась так трудно, что у меня не было возможности учиться по специальности. Сначала нам выделили комнату-закуток в казарме, где жили такие же, как мы, эмигранты: комнаты были отделены одна от другой с помощью солдатских одеял. Папа хотел другой доли для своей семьи. Поехал в пригород, нашел работу, где получал 6 фунтов. А жильё стоило 9 фунтов. Тогда он устроил маму официанткой в ресторан, где она получала 3 фунта. Так мы смогли снять себе домик. Но жить-то тоже на что-то надо! Поэтому родители сказали мне: «Танюша, увы, у нас нет возможности тебя учить — надо идти работать». Так я стала подрабатывать санитаркой в больнице и параллельно учиться в вечерней школе. Там же, на вечерних курсах, я и познакомилась со своим будущим мужем — англичанином Дональдом Ватсоном (правда, он, когда мы стали часто ездить в Россию, очень любил, когда его называли Дон Иванович). Он тогда был офицером флота, но решил переучиться и получить профессию стоматолога. Однажды он предложил подвезти меня до дома после учебы, спустя несколько дней пригласил в кино, а через месяц сказал: «Таня, а не хотели бы вы стать

Свадьба матери в Пражском соборе

Муж Татьяны — Дональд Ватсон с внуками

моей женой?» Я согласилась. У нас родились четверо детей: Петр, Сюзанна, Иван и Михаил. Дон всегда с уважением относился к моим русским корням, поэтому и имена мы выбирали такие, чтобы они могли звучать интернационально.

Но мечту получить профессию я не оставляла. И вот, когда младший сын пошел в школу, я поставила Дона перед фактом: я иду учиться в университет на психолога! А было мне уже 37 лет! Муж и дети были в шоке, уговаривали меня: мол, зачем тебе это нужно? Но я настояла на своем и исполнила свою мечту. И до самой пенсии преподавала психологию в колледже.

— Вы впервые приехали в Россию, когда заинтересовались судьбой усадьбы своих предков?

— Нет, это был уже второй раз. Первый раз я приехала сюда, когда началась перестройка: я заказала тур по Золотому кольцу, побывала в Москве и Ленинграде... Была зима, мороз 27 градусов, а я в восторге звонила тогда еще живой маме: «Мама! Я в России! Здесь столько церквей! Я люблю, ставлю свечки... Здесь ужасно холодно, но так красиво!» Церкви и мороз со снегом — вот первые мои впечатления. Ведь у нас, в Австралии, зимой ниже 17 тепла температура редко когда опускается...

— Чем еще поразила вас наша страна?

— Я была шокирована... русскими квартирами: я никогда такого жилья не видела. У нас в Перте традиционное жилье — маленький домик и сад, поэтому сам город растянут на 150 км: получается, что на одной улице живут всего 50 - 60 человек. Поэтому, когда я увидела то, что у вас называют... «хрущевками», так? — я была удивлена: как люди так могут жить! Но потом мне рассказали, что по сравнению с коммунальными квартирами это был настоящий «свой угол», и я поняла разницу.

— Были какие-то курьезные случаи из разряда «иностранцы в России»?

— Я мечтала купить себе домик недалеко от усадьбы Брянчаниновых, чтобы было

Домик-магазин в Покровском, в котором Татьяна проводит лето

куда приезжать в Россию. Как раз напротив церкви было здание старого магазина: раньше в нем располагалась колхозная контора, потом — почта. Я купила этот домик и теперь, рассказывая об этом, всегда шучу, что я живу в магазине. Когда мы стали переоборудовать его для жилья, здесь еще не было канализации, и мне срубили... настоящий деревенский туалет. Правда, с квадратной дырой. И вот мой муж, увидев это «изобретение», очень удивлялся: «Это что? Разве у русских... квадратные «попки»?» Мы долго смеялись над этой шуткой. А если без шуток, Дон очень любил бывать здесь. Вообще, когда мы вышли на пенсию, мы стали много путешествовать. Он говорил: как это, умереть и не увидеть мир? Мы побывали в Мексике, Египте, России, на Тибете... И именно во время этого последнего путешествия в Тибет он умер.

Говорят, это святое место, там душа ближе к Богу... Это случилось три года назад и стало для меня большим испытанием. Но жизнь все равно продолжается. У меня есть любимые дети, есть усадьба в Покровском, к которой я прикипела душой, есть интересная работа в Австралии, где я в рамках благотворительности занимаюсь помощью русским женщинам, которые попадают в трудные жизненные ситуации, переехав в другую страну... Всею этому посвящено мое время.

— И напоследок — непростой вопрос. Историческая правда в том, что вы — прямая наследница усадьбы Брянчаниновых. Есть ли какое-то сожаление о том, что все сложилось для вашего рода так несправедливо?

— Какие могут быть обиды на судьбу? Это то, что выше нас, я воспринимаю это как естественный ход истории, частью которой оказалась история моих родных. Меня это почти не коснулось, а что унесли в своих сердцах мои родные, которые через все это прошли, — кто знает... Время изменилось. Сейчас нелепо претендовать на что-то, да мне никогда в жизни было бы физически не потянуть восстановление и содержание такого большого поместья. Я лишь благодарна тем, кто принял живое участие в его возрождении. Это труд и забота столь многих людей, что теперь можно сказать со всей справедливостью: усадьба Брянчаниновых принадлежит России.

А я — я счастливый человек. Пусть жизнь порою была не проста, но зато... мне никогда не было скучно!

Наталья Новинская

Благодарим за помощь в подготовке материала департамент культуры и охраны объектов культурного наследия Вологодской области.